

Михаил Гарцев

Стихотворная окрошка

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Гарцев

Стихотворная окрошка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30828224

SelfPub; 2018

Аннотация

Эстетика стихов Михаила Гарцева восходит к традиции таких русских поэтов, как Тютчев, Анненский, Гумилев, Заболоцкий, работающих в русле РУССКОЙ МЕДИТАТИВНОЙ ЛИРИКИ, однако поэт не чурается и злободневности, воплощая её в стихи сатирическо-юмористической направленности. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пародии и парафразы	7
Тимоти Лирик	7
Endspiel	7
П_А_Р_А_Ф_Р_А_З_А	7
Алекс Трудлер	10
Вечная жизнь	10
П_А_Р_А_Ф_Р_А_З_А	10
Блат Вальтер	12
Бабы-дуры	12
П_А_Р_О_Д_И_Я	12
Лина Маго	14
«Отдаваясь при всех бесстыдно...»	14
П_А_Р_О_Д_И_Я	14
Хохол	16
Пустой состав	16
П_А_Р_О_Д_И_Я	16
Лина Маго	18
Высечь молнию крылом	18
П_А_Р_О_Д_И_Я	18
Поединков	20
Бабье Лето	20
П_А_Р_О_Д_И_Я	20
Лина Маго	22

«Наструган ветер тёркой переулков...»	22
П_А_Р_О_Д_И_Я	22
Таблер В. О.	24
«Ведь это точно когда-то было...»	24
П_А_Р_А_Ф_Р_А_З_А	24
Ashsa	26
«Мне снилась детская обида...»	26
П_А_Р_А_Ф_Р_А_З_А	26
Лирика	30
Пейзажная	30
«Каскад прудов, заброшенных, ничейных...»	30
«Вздыхая, лежит предо мною...»	32
«Порою сумеречной, росной...»	32
Огород	33
«Отрешусь и зарююсь...»	34
«Вот и закончились сказки...»	35
«Это синее небо над моей головою...»	35
Философско-религиозная	37
Триптих 2	37
1	37
2	37
Крещение	39
Экскурсия в Бамберг	40
«Круговорот воды в природе...»	43
«Гроздь гнева свисают...»	44

Триптих-2	45
1	45
2	46
3	47
«Кто такие клерикалы?..»	47
«Я шёл по аллеям...»	49
Моё отношение к религии	50
Тексты для песен	51
«Вновь дорога. Поселки...»	51
«"В дорогу!" – сомкнулись стаканы...»	52
«Мы трясемся в вагоне...»	53
«Юная, нежная...»	54
«Есть блондинки и брюнетки...»	56
В стиле шансона – 1	56
В стиле шансона – 2	58
Римейк на "Авиамарш" 20-х годов прошлого века	59
Сетератор-виртупис	60
Свадебная песня	65
Астрологи и хироманты	66
«Из всех искусств важнейшим является кино...»	67
«Приехал дядя Рома...»	68
О Кличко	69
Песня о таксистах	70
Что в имени тебе моём	73

Медработникам	74
На тему творчества	77
«Слова... Их жизнь мгновенья длится...»	77
«Не от обид или скуки...»	78
Лищедей	79
«Колыхание тягостной ночью...»	80
«Ты, слово, – цель моя, мое – начало...»	81
Памяти воздушной гимнастки	82
«Граненое крупное тело...»	83
«Порою слышу в спорах жарких...»	84
Маяковскому	85
«Как наша жизнь порой нелепа...»	86
...А потехе час	87
«Спокойствие! Царит спокойствие...»	89
Фарамазяну	90
«Я видел, как спортсмены плачут...»	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Пародии и парафразы

Тимоти Лирик

http://samlib.ru/l/lirik_t/a26.shtml

Endspiel

"Ранней осенью небо нежнее,
Солнце чутче, прохладней зной,
И тепло в эти дни нужнее,
Даже, может, нужней, чем весной".
...

П_А_Р_А_Ф_Р_А_З_А

Я старею, готовлюсь к аду,
вроде белый, но весь в грязи,
потому что, моя отрада,
мне пролезть захотелось в ферзи.

А ведь бегал когда-то мальчонкой,
рядом нянька и верный пёс,
был я нежный, сродни собачонке,

нынче грубой щетиной оброс.

Ну, а в детстве, ты помнишь, были
шелковистыми кудри мои,
занесло их белесой пылью...

Я снимаю с волос слои

экзистенции подуставшей...

Эх, Сергуня, ну, кем ты стал?

Взглядом женщины низко павшей
мне судьба пророчит финал.

Мухоморы, "проглоттер", поганки,
"самоволки" и пот на челе...

В платье трепетной страстной вакханки
я танцую канкан на столе.

Декольте, рюш, фестон, подвязки,
лайм пуанты, жабо, макияж,
силиконовых две накладки...

И я слышу: "Ты наш! Ты наш!"

Либерастов в упор не вижу,
но держу про запас пиар.

На пиаре нажил я грыжу —
все ж какой-никакой навар.

В подсознание плывут картины:
вновь я вижу осенний парк.
И я мальчик, такой невинный,
но реальность о землю – шварк!

Вновь деревья – небес подпорки —
няня, песик, твои глаза...
И бушует в моей подкорке
нескончаемая гроза.

Лучше было б остаться пешкой
и не лезть, как чумной, в ферзи...
Белка рядом грызет орешки,
я в осенней лежу грязи.

Алекс Трудлер

http://samlib.ru/t/trudler_a/vechnayazhizn.shtml

Вечная жизнь

"посреди одичавшей евразии
я ношу расстоянья в груди
эк меня пустотой угораздило
не судим не судись не суди"

...

П_А_Р_А_Ф_Р_А_З_А

посреди одичавшего племени
стихотворцев всемирной сети
эк тебя угораздило времени
не хватает поток разгрести

подсознания сознания континуум
где дискретность давно не в чести
автоматным письмом но как минимум
надо в сферах размер соблюсти

а не то заартачатся чистые

грязных критиков время прошло
и под шконку загнали отличников
уголовникам жить хорошо

те кто выжил от серного запаха
пострадают от рубки голов
ты старуха косою не размахивай
не спеши пополнять свой улов

в тёплый саван кто хочет укроется
кинь под ноги в тиши гробовой
помолись у престола пред троицей
и иди тебе данной тропой

и хоть око за око навывате
битый час бей баклуши не спорь
пока душу не требуют мытари
пока песню не вырежет хворь.

Блат Вальтер

http://samlib.ru/w/walxter_b/12.shtml

Бабы-дуры

"Смотри-ка, вон идёт – хорошая такая!
И ноги от ушей, и руки из плечей
по шее вьётся цепь червонно-золотая,
приманка для ворюг, альфонсов и врачей".

...

П_А_Р_О_Д_И_Я

Приклеился мой взгляд к хорошенькой фигуре.
"А вдруг тестостерон ударит вновь под дых?
Виагрой запастись заради бабы-дуры?" —
пропел мой петушок, пропел он и затих.

И я вмиг болт забил на пышную молодку,
мне суматошит кровь спиртных паров туман.
Я дворника нашёл и мы залили в глотку
антивиагры взвесь, и не один стакан.

Проснулась в теле жизнь, рожденный пить не может

любить, творить, менять ВИВЕНДИ МОДУС враз.
И либерастов пусть, врагов России гложет
сосущий мозг испуг, наш брат не либераст.

Нам бабы вслед вопят: "МУЖИЦКИЕ ФАКТУРЫ,
ВЫ С ВИДУ МУЖИКИ, НО ГДЕ ЖЕ ВАША ПРЫТЬ?
ВЕДЬ ЕСЛИ ВАС КАПНУТЬ, ВНУТРИ ВАС – БА-
БЫ-ДУРЫ,
ВОТ ПОЧЕМУ В СТРАНЕ ХРЕНОВО С ВАМИ ЖИТЬ".

Лина Маго

http://samlib.ru/l/lina_mago/zacastih.shtml

«Отдаваясь при всех бесстыдно...»

"Отдаваясь при всех бесстыдно,
Стонет скрипка, в экстаз впадая,
В ветряном полотне простынном
Бьется чувственная, нагая".

...

П_А_Р_О_Д_И_Я

Отдаваясь при всех подспудно,
поэтесса стихи слагает.

На холодном ветру простудном
бьётся чувственная, нагая.

В обнаженности нервных звуков
иноземных словес паренье.

Так рождалось в страданиях, муках
стратосферное стихотворение.

В каждой строчке нерусским духом

форма русская наполнялась,
но людей с абсолютным слухом
не колышет такая малость.

Галактических волн созвонье,
облаков торопливых пухлость...
Поэтесс привлекает бизонья
эротическая округлость.

Обнажение фаз отдачи
не заменит любовь земную.
Поэтессы любви не клянчат,
а берут, оживив статУю.

Хохол

<http://samlib.ru/h/hohol/pustojsostav.shtml>

Пустой состав

"Усталый дизель пятился по-рачьи,
Таща состав суставчатый навстречу
Закату, и бессмысленно бурлачил,
Как будто он реке противоречил".

...

П_А_Р_О_Д_И_Я

Поэт поэточный бурлачил календарно.
Ему мещане в городах рукоплескали
за то, что он своим трудом ударным
отремонтировал им старые скрижали.

Он строфы сцепливал, словно пустые дыры,
а даты размещались в помещеньях.
Селенья восторгались командиром,
и тот не брезговал селений угощеньем.

И только Бог сомкнул устало вежды,

ход времени на время обездвижив.
Он потерял последнюю надежду,
но наш поэт и в катаклизмах выжил.

Лина Маго

http://samlib.ru/l/lina_mago/zauystih.shtml

Высечь молнию крылом

"Долой обтесанную гладь
Сухой размеренности будней!
Тебе, бунтарство, исполать,
Пока сражаться силы будут".

...

П_А_Р_О_Д_И_Я

Долой обтесанную грудь —
в рекламе каждый день я вижу —
Простите, доктор, из Парижа
нам поставляют эту муть.

Сражаться с миром нет уж сил —
мир селикона, макияжа,
чем только мы себя не мажем:
от аква-гримов до чернил.

Ломтём ржаным заем стакан,

не рассироплюсь от водяры.
Пришлите, доктор, санитаров,
унять в душе моей пожар.

Но не поганьте борозду,
не то взорлюсь корявой жестью
и желчью изольюсь от мести,
не отобьетесь и за мзду.

В больничный просочусь проём,
разбудоражу залп ружейный,
и всех елейных и ливрейных
я мощным словоизверженьем,
как Зевс, испепелю огнём.

Поединков

<http://samlib.ru/p/poedinkow/babje.shtml>

Бабье Лето

"Бесконечность сибирских просторов
Души делает бесконечными.
Бабье лето кедрового сбора
"Шишкарей" всех – добросердечными"...

П_А_Р_О_Д_И_Я

Бесконечно терпенье читателей.
Терпят Вовы стихи бесконечные.
Даже множатся почитатели,
люди русские, добросердечные.

Хоть стихи шишковаты нескладные,
Вова честен душой, не стебается.
Популярность растёт, ну, а главное —
пишет, рогом Вован упирается.

Сочинять – это дело старинное.
Пращур наш шишкарил без претензии.

Если б Вова плести стал корзины – yes! —
вряд ли был бы урон для поэзии.

Лина Маго

http://lib.ru/samlib.ru/l/lina_mago/zaudstih.shtml

«Наструган ветер тёркой переулков...»

"Наструган ветер тёркой переулков,
Заправлен замороженным дождём
И бледной недовыпеченной булкой
Остывший месяц к небу пригвождён".

...

П_А_Р_О_Д_И_Я

Назову я тучи ульем.
Месяц булкой назову.
Пчелы носятся, как пули,
серебрятся наяву.

Из фонарного помола
вышел коржик земляной,
и серебряные пчелы,
колятся надо мной.

Шторы-жабры в день дождливый

настругают тьму устриц.
Ты придёшь, такой счастливый,
к черту терки, лучше блиц?

Наплевать на политесы,
нажжужала я сполна,
и все скажут: поэтесса —
гравитации волна.

Таблер В. О.

<http://www.stihi.ru/2006/02/18-2292>

«Ведь это точно когда-то было...»

"Ведь это точно когда-то было...

Рисунок серый – в карандаше...

Утла подвода, худа кобыла —

в тумана кашице, густыше" ...

П_А_Р_А_Ф_Р_А_З_А

Темно у дохтора на приеме,

вчера, горбаться за гумус тмящий,

перестарался, а нынче в дреме

сизу ледащий с лицом просящим.

А рядком дедка сидит безрукий

и все страдает от боли жгучей

в руке, с которой давно в разлуке,

с лицом темнее осенней тучи.

– Шо, хлопчик, скоро, нас дохтор примет?

– Хто яго знает, сих эскулапов?

Ужо онемели ужица с выей,

давненько не был в явонных лапах.

Как-то мне щупали грудь, паршивцы,
кололи и жгли, убивцы, трахею...
Искали душу в сердечных мышцах.
Видно, давно я расстался с нею.
Болела сильно, такой уж родился,
фантомы боли, сонмы печали...
Пошла уж какая, дедуля, седмица...
Пропала душа, куда-то отчалив.
Нас врач осмотрит – печать, как клякса,
в Собес с тобою сделаем ходку.
Мне б в рот – оболу, а лучше – баксы,
а ты, дедуля, проси молодку.
Пора инвалидов взять на поруки,
и поддержать нас, таких горемычных,
ты, дед – инвалид, поскольку безрукий,
и я инвалид – без души кирдычно.

Ashsa

http://samlib.ru/s/shapiro_a_a/obida.shtml

«Мне снилась детская обида...»

"Мне снилась детская обида
на N. Не подавая вида,
что пьян (хотя совсем алкаш —
о если б всё, что мы глаголем,
оправдывалось алкоголем!),
он мне твердил, что я – "не наш".

...

П_А_Р_А_Ф_Р_А_З_А Душевная травма

Во времена, кажись, застоя
сидел с бутылкой я пустою...
Ко мне подсел какой-то дед.
Рябой, немый, бородатый,
со стаканОм, как бы поддатый.
Условно пусть зовется Z.

Я был отнюдь не алкоголик,

хоть мог бухать, порой, до колик
в печенках, почках и спине...
Увы, то, что в верхах глаголют
нельзя понять без алкоголя
давно известно всей стране.

Смеркалось. Ерзали ворота.
Базланить не было охоты,
я встал, уж было, и пошел...
Вдруг Z на что-то рассердился,
вскочил, на месте закружился,
мне в спину прорычав:
"Козел!"

"Я не козел", – хотел сказать я,
но в санитаров двух объятых
он был погружен в грузовик.
Знать, Z, сбежав с какой-то дурки,
хоть был и пойман в переулке,
все ж в подсознание мне проник.

"Козел!" – кричали дети в школе.
"Козел", – я слышал в чистом поле.
"Козел", – прошамкал аксакал.
"Ко-зе-л!" – мне жид пропел пархатый.
Приснилось даже – черт рогатый

за мною целый день скакал.

И, правда, кто мне скажет, кто я?

"Сон разума" – пророчил Гойя.

И я заснул на много лет.

Во сне мне снились вор в законе,

и как ругались ээки в зоне...

"Козлы!" – кричал я им в ответ.

Тряся козлиною бородкой,

однажды встретил я молодку.

Она мне стала дорога,

но врач по психам, круглолицый,

мне отсоветовал жениться:

"Смотри, блин, вырастут рога".

Вокруг шумела перестройка,

и разных дел творилось столько...

Но все мне как-то было влом...

Я просыпался от поллюций,

а не от залпов революций,

на всё глядя козел козлом.

И как врачи все не старались —

мне не помог психоанализ,

ни даже Фрейд, ни даже Юнг.

Знать, от врачей мои сокрыты
и комплексы, и архетипы.
Я всё послав, рванул на Юг.

Бродя в горах Бахчисарая,
ту встречу с Зетом вспоминая,
и с камушка на камень скок,
понять хочу я эту силу —
что так беспечно опустила
и обесценила мой рок.

Я был мужчина, в общем, в норме,
а стал я чем-то вроде зомби.
Ужо тебя, смешной старик!
"Козел!" – вскричал Евгений грозно —
вдруг стало ветрено и звездно —
и вырвал грешный свой язык.

Лирика

Пейзажная

«Каскад прудов, заброшенных, ничейных...»

Каскад прудов, заброшенных, ничейных
куда я прихожу порой вечерней
покрытых тиной и зелёной ряской,
и водорослей целые семейства
как бы в предчувствии ночного лицедейства
взирают на меня с опаской.

Вода и зелень – символ совершенства.
На свете нет приятнее блаженства
смотреть, как пробуждаются виденья...
Ложится темень на ночные воды,
деревьев тени водят хороводы,
в природе начинается брожение.

Каскад прудов – ПРА-образ древних капищ.

От веток ивы, как от чьих-то лапищ,
я отшатнулся. Пискнула зверюшка...
А на прудах мелькали леших тени,
кузнечик стрекотал, русалок пенье,
вдобавок квакали, как пьяные, лягушки.

И уханье какой-то странной птицы,
желающей воды с гнильцой напиться...
И чваканье, и хруст костей, и шёпот...
А светлячки весь берег запалили,
потом попрятались в бутонах стройных лилий...
...и табунов был слышен гулкий топот.

Но только утренней звезды пробьётся лучик,
ночных мистерий мир тотчас отключат.
В каскаде – пруд один, очищенный от тины.
В нём отразится свод небес лазурный,
он нам дороже прелестей гламурных.
Сменяют шабаш мирные картины.

Зажглись на солнце купола церквушки местной,
лазурь и золото бал правят повсеместно.
Легка дорога к храму и светла.
Святой источник Преподобной Анны
в меня вольёт бальзам небесной манны,
и продолжается игра добра и зла.

«Вздыхая, лежит предо мною...»

Вздыхая, лежит предо мною,

сыпучее тело пустыни.

Горячей тоскою земною

насытилось сердце

и стынет...

И видит

орлов в небе, властно

парящих злым символом дальним,

горячую вязкую массу

на лоне природы бескрайнем.

И только кустарник колючий

по желтому катится пласту,

терзаемый силой сыпучей,

вливается в желтую массу.

Так жили народы такыров.

Сердца их крутого закала

днем солнце, как в тигле, калило,

а ночью луна остужала.

«Порою сумеречной, росной...»

Порою сумеречной, росной —

природой русской заарканен —

я выхожу на берег плеса,
посеребренного в тумане.
Передо мной разверзлась вечность.
Окутан дымкой серебристой,
меня в лицо целует вечер,
такой пронзительный и чистый.
Здесь обозначена примета
дробящих воздух междометий.
На стыке музыки и света,
на рубеже тысячелетий.

Огород

Всего лишь три грядки клубнички,
но как замирает твой взор,
когда заплетая косички,
ты розовый видишь узор.
Всего лишь две сотки картошки.
Соцветие белых цветов,
зеленое море горошка
усталости снимут покров
с лица, обрамленного чернью
с рыжцей бархатистых волос.
...И лишь соловьиное пенье
под лязги железных колес,
и лишь волшебство огорода

в потоке бессмысленном струй,
и лишь равнодушной природы
нечаянный вдруг поцелуй.

«Отрешусь и зареюсь...»

Отрешусь и зареюсь
в сумрак улиц хмельной,
где ночью порою
я бродил под луной.

Воздух резкий был чистый,
абрис дыма вдали,
и слегка серебристый
шел парок от земли.

И ночная прохлада
в купах сонных деревьев...
Сердце вскрикнет надсадно,
в небо выплеснув гнев:

«Где в заоблачных парках
отыщу я ваш след,
этот теплый, неяркий,
искупительный свет?»

«Вот и закончились сказки...»

Вот и закончились сказки.
Отголосила гроза.
Желто-багровые краски
кружатся в сумраке вязком,
неба надорваны связки
и голосуют вновь за
то, чтоб сменилась погода.
Хмурая мгlistая хлябь
к нам снизойдёт с небосвода.
В панцире громоотвода
выползет новая явь.
Снег, как лачком-с, всё покроет,
и тишина, тишина...
Чёрт или буря завоюет
с горя иль просто с запоя...
Грустно мерцает луна.

«Это синее небо над моей головою...»

Это синее небо над моей головою,
это чистый, хрустальный, обновляющий звон,
это свет, это солнце, это рокот прибоя,
это лица, улыбки, краски с разных сторон.

А зима признавала лишь двух красок контрастность:
черно-белый рисунок двух цветов торжество,
но пролилась небес обнаженная ясность
и открыла палитры всех цветов волшебство.
Я вхожу в это море, в это пиршество красок.
Я вдыхаю хрустальный обновляющий звон...
И вдыхаю тревогу.

Воздух резок и вязок,
и стеклянных сосулек изнывающий стон.
Жизнь комедия, драма и трагедия тоже.
Черно-белый рисунок,
акварель,
масло,
свет...

Кто нам в этой стихии плыть по курсу поможет?
Кто даст четкий и ясный, так нам нужный ответ?
Человек – это бог! Человек – это светоч!
Человек – это мерзость! Человек – это гад!
Я смотрю на скрижалей поистлевшую ветошь.
Я читаю каноны почти наугад.
Чем закончить сие?
На торжественной ноте!
Мол, мы славное племя, и мы выстроим рай...
Лед трещит на реке. Птица стонет в полете...
Краской сочной и яркой обновляется край.

Философско-религиозная

Триптих 2

1

Ты сытый и обутий.
Куда тебя влечет?
Ты алчешь мякоть фрукта,
сорвав запретный плод.
Кто там кричит: «О нравы!»
При чем твой смирный нрав,
ты верный сын державы,
и ты, конечно, прав.

2

Порталы пантеона
то бросят в жар, то в холод.
На знамени – Мамона,
а раньше – серп и молот.
Сквозь рыночные жерла
к нам подползает голод.
Какие еще жертвы

ждет кровожадный МОлох?

...И губы обметало
у страждущих ответ
расплавленным металлом
взорвавшихся планет.
И я ответ взыскую,
насквозь изрешечен,
вертя турель вслепую
распавшихся времен.
Но солнце вмиг пробило
студенистую рань.
Горящею просвирой
мне обожгло гортань.
Ну, с мертвой точки сдвинься
в слепом круженье дня.
В священном триединстве
он смотрит на меня.
Я верю, очень скоро —
отныне навсегда —
на трепетных просторах
взойдет Его звезда.
Взойдет Его соцветье
на солнечной меже
в конце тысячелетья —
последнем рубеже.

Крещение

В преддверье нового потопа
кто, человек, скажи, ты есть.
И что влечет так на Голгофу
тебя: тщеславие иль месть,
порывы чести и добра...

...Провозгласила отчужденье,
став первой вехой Восхожденья,
измены острая игра.
Идет жестокая работа,
где правит бал сизифов труд,
но поцелуй Искарюта
разрыв земных семейных пут.

...и Он лицо твое омыл
под завывание синкопы...
...и путь открылся на Голгофу
расКРЕПОЩЕНИЕМ
высших сил.

«

Ты на кресте распят и предан
...»

Ты на кресте распят и предан.

Ты жертва.
Жертвой стать легко,
брезгливой жалости отведав.

– А благо?
– Благо далеко.

Но Высшее Предназначенье
с лица смывает боль и страх,
и вкус хмельного упоенья
на окровавленных губах.

Экскурсия в Бамберг

Стопинг, шопинг, туалетинг...
Разбежались: кто куда...
Интеллекта хилый рейтинг
мой растёт как никогда.

С гидом я веду беседу.
Мы в автобусе – вдвоём.
И, пожертвовав обедом,
заливаюсь соловьём.

– Бамберг разве не бомбили?
– Бамберг не был разбомблён,

хоть бомбившим эскадрильям
был такой приказ вменён.

То ль оплот католицизма
город спас его Святой,
отделивший от нацизма
град, рождённый красотой.

То ли набожные немцы,
смад впитав с таких краёв,
как Дахау иль Освенцим,
сдали город без боёв.

Сколько версиям простора,
но экскурсии отряд
вышел к Домскому Собору —
где царит епископат.

Как темно и мрачно в храме,
а могильники святых,
словно склепы в склепах... Дrame
нашей жизни бьёт под дых

мысль о том, что человеку
ползать суждено в грязи
червяком, и век от века

нам иного не грозит.

Сильно давит атмосфера —
где бал правит аскетизм.
В этом есть, конечно, Вера.
В Вере – свой максимализм.

А потом мы вышли к речке.
Свай Ратуши в воде,
но сырых следов протечки
в помещеньях нет нигде.

Вихрь закружит жизни светской:
дождик, солнце, смех и спор...
Так Венеции Немецкой
открывается простор.

Я копчёным пивом сказкой
оторвусь и оттянусь,
а немецкою колбаской
закушу хмельную грусть.

Дух костёлов и соборов
с горних стелется высот,
проникая в наши поры —
где царит круговорот

жизни шумной и цветущей,
превращающейся в прах...
Дух влечёт нас в мир грядущий,
перебарывая страх.

«Круговорот воды в природе...»

Круговорот воды в природе,
хоть и чреват разливом рек
при мерзопакостной погоде,
даёт нам мощь из века в век.

Энергия воды целебна:
в её источниках святых
в потоке струй слышны молебны
душ чистых, искренних, простых,

Творцу поющих гимн-осанну,
и гейзер рвётся в небеса,
грозой откуда неустанно
вниз низвергается роса.

Бурлят, клокочут, мчатся воды...
Вливает силу Сам Господь
и в лоно матушки Природы,

и в человеческую плоть.

«Гроздья гнева свисают...»

Гроздья гнева свисают,
ядовитые спелые гроздья.
Молоко прокисает,
но незыблем семейный уют.
Ты меня не бросаешь,
только крепче сжимаешь поводья.
Я тебя не бросаю,
хоть свистит надо мною твой кнут.

Птица-тройка домчится
по тернистым путям мирозданья
до последней страницы
где готовится Праведный Суд,
и сполохи зарницы
в небе высветят суть Предсказанья,
и горящие птицы
с Саваофа десницы вспорхнут.

Всё, что сделал я в жизни,
посвящаю единственной в мире
и родимой отчизне,
от опричнины спасшей меня.

Не забудьте на тризне
в мою честь в затрапезном трактире
вспомнить недругов-слизней.
Я простил! Их ни в чём не вина.

Я тебе присягаю
среди икон, подойдя к аналою.
Моя вера нагая
за отчизну. Храни её Спас.
Весть – с амвона благая:
наши души не станут золою.
И, как солнце, сверкая,
светит и-коно-стас с верой в нас.

Триптих-2

1

Время ставит ловушки.
На хребте перевала
захлебнулась кукушка,
та, что нам куковала.

Время ставит ловушки:
в миг один безвозвратно

заменяло веснушки
на пигментные пятна.

Время ставит ловушки,
сбросив нас с перевала.
...Ну, очнись же, кукушка,
мы начнем все сначала.

2

Мы начнем все сначала,
выбрав новый маршрут:
ни сизифов ли труд,
ни полнейший ль абсурд?

Благость тайны истока
для себя не испортить...
...стайки трепетных токов,
обретающих плоть.

Жизнь под знаком разлуки
бьется в тигле, скорбя...
...все вернется на крУги,
лишь на крУги своя.

Жизнь вернулась на круги
грозным маршем синкопы.
В строгом свете хоругвей
я взойду на Голгофу.

Протрубят мне проклятья,
как встарь, ле —
гионеры,
и предстанет распятие
новым символом веры.

Токов трепетных стая
проплывает над нами,
и меня осеняет
красный ангел крылами.

«Кто такие клерикалы?..»

Кто такие клерикалы?
Не убийцы, не кидалы.
С виду мирные ребята,
отчего ж так жутковато,
когда воют, лают, свищут,

всюду ведьм с рогами ищут.

Инквизиция святая

это мама их родная.

Кто такие клерикалы?

Не попы, не кардиналы.

В синагогах, минаретах

их, конечно, тоже нету.

Как сказал мне далай-лама:

«Вера – это наша драма
на подмостках жизни, смерти...

Очень личная, поверьте»

Кто такие клерикалы?

Это те же комиссары.

И пусть помыслы их чисты —

не достать им сатанистов.

Только те и не боятся —

все плодятся и плодятся...

А на жертвенном помосте,

лишь обугленные кости,

еретиков, страстотерпцев...

Там мое осталось сердце,

проутюженное танком

и в узилищах Лубянки,

где от пыток – запах серы...

Вы, борцы за святость веры,

нас понять должны хоть в малом:

не враги мы, клерикалы.

«Я шёл по аллеям...»

Я шёл по аллеям
своих сновидений
Распродан, расклеен...
То взлёт, то паденье.

Я шёл по проспектам
слепых революций.
Был избран мной вектор —
на зов эволюций.

Я шёл по тропе
имманентного взрыва
один и в толпе,
над тобой и обрывом.

Я шёл по скрижалям
усопших религий,
где плоть возрождалась,
срывая вериги.

Я шёл прямо к Богу
под реплики хама.

Я выбрал дорогу,
ведущую к Храму.

Моё отношение к религии

Вопросы, вечные вопросы...
Взор устремляют люди в космос.
Средь всевозможных ортодоксов
я не являюсь ортодоксом.

Заветную не перейду межу.
В вопросах веры панибратство,
амикошонство и всеядство
я на дистанции держу.

И только – скажем: иногда —
когда слегка рассвет забрезжит,
далекая сверкнет звезда
мне слабым лучиком надежды...
... и по щеке ползет слеза.

Тексты для песен

«Вновь дорога. Поселки...»

Вновь дорога. Поселки
замелькают, станицы...
Забываются стройки
и большие столицы.

А дорога беспечно
под колеса ложится...
Забываются встречи,
забываются лица.

Забываются нами
и улыбки и слезы,
только машут ветвями
на прощанье березы.

В белом поле ромашки
головой поникли.
В небо взмлет вдруг пташка:
– Где ты будешь, откликнись.

Я кричу, что есть мочи!
Я кричу во весь голос.
Только вздрогнули рощи,
леса юная поросль.

Я свой крик повторяю —
не боюсь повториться —
а слова пропадают,
пропадают как лица.

«"В дорогу!" – сомкнулись стаканы...»

«В дорогу!» – сомкнулись стаканы,
а рядом – друзья и враги,
а где-то дожди и туманы,
и грозная замять пурги.
Дорога...

Как много советов,
ухабов,
несметных сетей,
и чад привокзальных буфетов,
и гарь привокзальных путей.

Дорогой я весь переполнен,
под крышу родную придя.
В ней всполохи огненных молний,

в ней чистые капли дождя.

«Мы трясемся в вагоне...»

Мы трясемся в вагоне,
ветер воет устало.
Мы проехали много,
да осталось немало.
Жизнь – отчаянья пляска
на железных колесах,
бесконечная тряска...
Рыжий мох на откосах,
серый дым в поднебесье,
суматоха вокзалов.
Мы о них вспомним в песне,
что в дороге слагалась.
Светлый отблеск крыла
в белом облаке снежном —
самолета стрела
в океане безбрежном.
И гостиниц уют,
лоск на лицах от пота,
и болтанка в каютах
пароходов Морфлота.
Все останется в нас,
мы срослись все с дорогой,

но не сводит с нас глаз
месяц подлый, двурогий.
Наши женщины дома
помнят, ждут и тоскуют,
так что, месяц бездомный,
ты не зли нас впустую.
Мы судьбу выбирали
не с проложенной стежкой,
чтобы в самом начале
топать бодрюю ножкой.
Наши ноги в болоте
увязали порою,
не в тепле и почете
мы боролись с судьбою.
Нам не надо наград,
нам наградой удача,
мы такие, как есть,
есть и лучше и ярче.
Мы такие, как есть,
любим прозу и песни...
Рыжий мох на откосах,
серый дым в поднебесье.

«Юная, нежная...»

Юная, нежная,

резко, небрежно
ты отвечаешь смеясь.
Взгляд твой кусается,
переливается
локонов тонкая вязь.

Ты поднимаешься,
чуть усмехаешься.
Я под прицельным огнем,
но озадаченный,
гневом охваченный,
твердо стою на своем.

Небо качается,
спор продолжается
и он тебе по плечу.
Богом мне данная,
сильная самая,
я предлагаю ничью.

Я предлагающий
и понимающий,
что проиграл этот спор.
Жду в нетерпении,
кротком смирении
твой для меня приговор.

«Есть блондинки и брюнетки...»

Есть блондинки и брюнетки,
губки – розовый коралл.
Но каштановых кокеток
я им всем предпочитал.
А ещё любил я рыжих
иль шатеночек с рыжцой
в Петербурге и Париже,
в Подмоскowie, под Ельцом...
Под хорошую закуску
к водке или коньяку,
с иностранкой или русской
сидя, лёжа на боку,
на спине иль даже стоя...
Как же сладко их любить...
Но пора уже герою
урезонить свою прыть.
Да не в силах рыжих бестий
пропустить я мимо глаз.
Умираю с ними вместе
в каждом месте каждый раз.

В стиле шансона – 1

Нары, мои нары,
я ещё не старый...
Сквозь решётку вижу я луну...
Вертухай подходит
и меня разводит.
Ну, а я и глазом не моргну.

Светочка-сестричка,
где ж твои косички?
Ах, Челябинск – гарный городок!
Был бы я эколог,
а не гинеколог,
я б закрыл промзоны на годок.

Я тебя Рыжкова
даже не к Мошкову —
переправлю в Цюрих к братану.
От швейцарских гор мы
вмиг пришли бы в норму.
Братану моляву черкану.

Но братан швейцарский —
козырь вертухайский —
на меня ментам гнал порожняк.
Сдал меня вандалам
Игорёк Ландау.

Не спешите петь мне отходняк,

но прощайте, братцы,
вновь мне светит карцер.

Вертухаям громко:

– ИСПОЛАТЬ!

На себе ж рубашку
рву, как промокашку,
видно, век на зоне прозябать.

В стиле шансона – 2

Крут пахан московский,
словно волк тамбовский,
не пускает питерцев в Москву...
Обижает Бэлу,
тычет парабеллум
ей в лицо... Я вижу наяву.

Припев:

*Бэлка, моя Бэлка,
стань моею грелкой,
я москвич кондовый, коренной.
Вовке Сталинченко забиваю стрелку...
Ты со мной – за каменной стеной.*

Держат паханята
общаки и хаты,
всю Москву скупили на корню,
но тебя я встречу
на Замоскворечье...
И тебя собою заслону.

Припев.

Я лежу в угаре
на московской шмаре...
Честных баб увёл Петросовет...
Передайте, твари,
Кондаковой Ларе
от волка московского привет.

Припев.

Римейк на "Авиамарш" 20-х годов прошлого века

"Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью",
если судить по Делу Бахминой,
стоит проситель, наглотавшись пыли,
пред Замка неприступною стеной.

Припев:

*Все выше и выше, и выше
власть строит свою вертикаль;
и в каждом чиновнике дышит
страны вековая мораль.*

Пусть знают вор и олигарх опальный,
что их ничьи прошения не спасут...
И укрепляет Замок идеально
наш самый честный и гуманный суд.

Припев.

Наш разум, не подверженный внушению,
в броню своей безгрешности одет,
и на любое самовольное прошение
у нас готов решительный ответ.

Припев.

Сетератор-виртупис

Нашему Величеству рано на помол!
Здравствуй, Электричество, я в тебя вошел.

Электроны вспышками, кремневая нить,
да логин под мышкою (как бы не забыть).
Утлое суденышко, пьяный капитан,
маковое зернышко, водочки стакан.
Эх, еще бы девочек, да ворчит жена.
Девочки-припевочки, "чао" навсегда.

Припев:

*Виртуальные склоки,
виртуальные игры,
виртуальные лохи,
виртуальные тигры.
Человек оцифрован,
он невидим, бесплотен.
Нет суровее слова
виртуальных полотен.*

Выпивать рожденному не дано любить,
но струной точеною натянулась нить.
Ах, какие ужасы виртуальный секс,
но в делах супружеских форменный прогресс.
Почести завидные принесут урон.
Сциллами, Харибдами я заморожен.
Килобайты ложками вычерпать успеть.
Додики с прокошками мне пророчат смерть.

Припев.

Но смотрите, рОдные, видите, ПЛЫВУ!
Острова в подзорную – вижу наяву.
Остров – заглядение, да и царь каков!
Наше Вам почтение, дядечка Мошков.
Билл бомбил Сараево, Буш Второй – Ирак.
Мне Любовь Гуляева освещает мрак.
Музыка бравурная, молний острие!
НЕМАКУЛАТУРНОЕ счастье мое.

Припев.

«

Выросла дочка, красавица!

..

»

Выросла дочка, красавица!
Мама и дочка всем нравятся.
Умные, ловкие, славные...
Ну, и талантливы – главное!
Внешность чарующе яркая,
страстью манящая жаркою.

Припев:

*Только пусть помнит дочурка-прелестница
в славы зените, в упорстве работы,
в брызгах шампанского, в свете огней*

*в небо уйдем мы родительской лестницей.
Нет ничего материнской заботы
в мире надежней, честнее, верней.*

Мама и дочка. Грохочут овации...
Два метеора, две ярких звезды
в космосе вечном оставят следы.
Гроздья душистые белой акации
дарят поклонники в страстной прострации,
путь устилают цветки резеды.

Припев.

«

Ты знала меня в дни сомненья
...»

Ты знала меня в дни сомненья,
в гнетущие дни неудач.

Ты видела ярость стремленья
сквозь горечь, обиды и плач.

Стараясь держаться пристойно,
сквозь штормы плывя наугад,
я вдруг замечал твой спокойный,

ласкающий нежностью взгляд.

Припев:

*Заметет тропинки снегом
к центру любящих сердец.
Ты – и альфа, и омега.
Ты – начало и венец.
К твоему пробился сердцу
в Интернете я не зря,
словно к свету выбил дверцу,
от любви к тебе горя.*

И средь изнуряющей качки
увидеть нам было дано,
как гордая птица удачи
влетела и в наше окно.
Ликуй же!
Затянутся раны,
и нас миновала гроза.
Так что ж ты печально и странно,
тревожно мне смотришь в глаза.

Припев.

Свадебная песня

Запах любви – не купленного!

Запах любви – не краденного!

Запах любви – подарок!

Ты можешь быть всеми оставленный
людьми, удачей, любимую,
но запах любви сохраняется,
и с этой незримой силою
вряд ли кто в мире справится.

Припев:

Я теперь стал вдвое и сильнее, и лучше.

Нам вдвоём предстоит продолжать движение.

*Так смахнем же с глаз набрежвавшие тучи,
как всегда, непрошенного сомнения.*

Этот день останется в памяти
на всю нашу жизнь грядущую
и мерзость житейской слякоти
кажется мелочью сущою.

Подарок незабываемый

вспыхнет в день праздника свадебного.

Запах любви – не купленного!

Запах любви – не краденного!

Припев.

Астрологи и хироманты

Астрологи и хироманты – провидцы любого толка — пугают нас ваши таланты голодным оскалом волка. Но мы выбираем время и следуем вашим советам, давя забурлившее семя каленым клеймом запретов. Порыв загоняя в рамки, качаем упругое тело, изношенной Веры останки спускаем в отстойник смело.

Припев:

*Советы, сыплются советы...
Их все дают, кому не лень –
от массажистов до поэтов –
наводят тень на ясный день,
но мы чудес, юродства пленники.
В России принято беречь
эффектных, броских мыслей речь,
а это почва для мошенников.*

За хвост ухватив удачу: "Победа! – кричим мы, – Победа!"
Жаль, времени ход однозначный нас в даль унесет бес-

следно.

Одни мы стоим на пороге. Чужие мелькают лица...

Пойдем – что не вышло в итоге нам к сути своей пробиться.

Что первооснова прорыва, как схемой себя не мучай, —
Его величество Выбор, Его величество Случай.

Припев.

«Из всех искусств важнейшим является кино...»

Из всех искусств важнейшим
является кино,

но олигарх не меньше
важнейшим стал давно.

И Рома Абрамович
в кино желанный гость,
киношникам сокровищ
насыплет Рома горсть.

Припев:

*Звения своим монистом,
цыганка не скучай!
Кине-мато-графистов*

российских выручай.
И психоаналитик
слезай-ка, друг, с печи.
Сейчас не кинокритик
им нужен, а врачи.

Постсовреж с группой трусит.
На студию – как в морг.
Их ждёт там мэтр "продюсер",
как раньше ждал парторг.
Когда Гражданский Кодекс
с продюсером – вразрез,
царит Эдипов комплекс
к отцу – КАПЭЭСЭС.

Припев.

«Приехал дядя Рома...»

Приехал дядя Рома (всем нам давно знакомый)
на Кинотавр. Весомый солидный олигарх.
Тусовкою влекомый был Рома очень скромный,
Сидел в местах укромных с улыбкой на устах.

Припев:

*Ходил в одних штанах и в лабутенах, ах,
и в маечке одной, такой совсем простой,
на низких каблуках, родной всем олигарх
и в лабутенах, ах, гламур послав в оцифтой.*

А Кинотавр гламурный, весёлый, очень шумный,
как фильм чудной, заумный, наматывал круги.
Порою скучно, нудно, но Абрамович чудный
в гламуре многопудном – свет вольтовой дуги.

Припев.

О Кличко

Кличко – он рыцарь белой расы,
он доктор апперкотов супер-класса.
Маэстро хуков и профессор свингов.
Он столько лет король бессменный ринга.
Идёт он в бой за весь наш мир славянский,
мир боевой, не ве-гета-рианский.

Припев:

*Володя, Володя, ты снова в моде.
"Дрожь, Джошуа, миг сокрушу я, –
сказал Володя при всем народе, –*

хоть и буржуи тебя крышуют".

Его соперник – рыцарь чёрной расы.
И он, конечно же, не менее прекрасен.
Соперничество рыцарей – примеры
того, что миру не нужны бандеры
и розенберги – теоретики расизма.
Спорт – символ интер-нацио-нализма.

Припев.

Песня о таксистах

Век XXI в разбеге отважном
всех нас в момент подчинил куражу.
Много на свете людей безлошадных,
я им на помощь ракетой спешу.

Правила чертят нам красною тушью,
но иногда чуть нарушу ранжир.
Ты извини меня, мент добродушный,
поезд подходит, спешит пассажир.

Припев:

Жизнь у таксиста

*сложна и цветиста,
дарит всегда нам новый сюжет,
и пассажиры –
наши кумиры –
редко на просьбы в ответ слышат "нет".*

Жизнь однотипна в любом зоопарке:
хищникам – мясо, а прочим – трава.
Наш таксопарк, как обычно, в запарке:
каждый качает на что-то права.

Нож ли бандита, на трассе ль болтанка,
или вдоль трассы кюветная нить...
Мы красоту не теряем осанки —
кто-то ведь должен народ развозить.

Припев.

«
Скоро, очень скоро
...»

Скоро, очень скоро
все антисемиты
Высшим Прокурором
будут перебиты.
Будут перебиты!
Будут перебиты!

Припев:

*Не верится, ох, не верится, а шампанское в руке без-
злбно пенится,
а вода кипит в котле и пузырится, а евреи с жидофо-
бами помирятся.*

Принесут повестку,
призовут к ответу,
поместят всех в клетку...
Грянет Царство Света.
Грянет Царство Света!
Грянет Царство Света!

Припев.

А антисемитам —
царство преисподней,
адово корыто
карою Господней.
Карою Господней!
Карою Господней!

Припев.

Что в имени тебе моём

Заколдованное имя тебе дали при рождении,
как корабль назовете, так он в море поплывет.
Не тушуйся, Даздраперма,
ты страдаешь так не первой,
чародеи, злые гении
твой нарушили полёт.

Припев:

*Гарант спасёт нас, заколдованный ребёнок,
станешь ты опять путевым,
поменяешь документ.*

*А зовут гаранта Путин, он был умницей с пеленок,
потому указ толковый
издан был в один момент.*

Околдованным родителям, горько плачущим впоследствии,

поспешит на помощь соколом
вездесущий наш гарант.

Не страдайте, русофоколы,
не кручиньтесь, феклолоконы,
он просраться даст на следствии

отрабатывавшим грант.

Припев.

Медработникам

Когда враги объявят, что ты труп,
на этом свете больше не жилец,
когда друзья настойчиво и тупо
из строчек вить тебе начнут венец.

Когда они тебя устанут ждать,
когда устало сядут у огня,
сойдёт с небес святая благодать,
очнешься ты и позовешь меня.

Припев:

*Мой милый доктор,
ты спеши ко мне скорее,
как когда-то среди боя
раненных спасал бойцов...*

*И привычная работа:
в исцеленье свято веря,
заслонив меня собою,*

победишь в конце концов.

И я вобью в тебя таблеток горсть,
и не единожды я сделаю укол...
Скелета содрогнутся даже кости,
когда в болезнь вобьем осины кол.

И ты пойдёшь устал, упрям, весом
навстречу утру пасмурного дня,
монументален, словно девушка с веслом.
Не забывай, дружище, только про меня.

Припев.

«

Трампофилы все в отпаде
...»

Трампофилы все в отпаде —
Трамп шагает на параде.
Аладдин, потрите лампу:
лампы раб – в рабах у Трампа
Вышел Трамп при свете рампы,
весь партер – в рабах у Трампа.

Припев:

Когда начнёт Трамп ТРАМБовать,

*мы закудахчем все, как куры,
все: от Ивана до Абрама.*

*И к нам придёт япона мать –
её узнают даже дуры –
и вспомним мы тогда Абаму.*

Вся надежда на галерку —
мы готовимся к разборкам.
Рабскому менталитету,
засорившему планету,
вызов бросили ковбои.
ТРАМПофил, готовься к бою!

Припев.

На тему творчества

«Слова... Их жизнь мгновенья длится...»

Слова...

Их жизнь мгновенья длится,
но возрождаются опять
с другим оттенком,
в новых лицах.

Нам слова взлет не угадать.

Они летают и кружатся.

В них горе, радость, гордость, лесть...

И мудрецам любой из наций
их никогда не перечеть.

Да этого мне и не надо.

К чему мне на слова права?

Из нескончаемого ряда
я выберу свои слова.

И пусть полет их в небе синем
не будет яркою звездой,
одно прошу

при встрече с ними

я б мог наполнить их собою.

«Не от обид или скуки...»

Не от обид или скуки
выбрал тропу ты войны.
Значит, ристалища духа
тоже кому-то нужны.

Значит, продажное время,
время рабов и господ
цедит прогорклое семя,
чтобы продолжить свой род.

Ты обыграешь на взмахе
меч, занесенный судьбой,
словно великий Шумахер,
будешь доволен собой.

Ты отыграешь свой проигрыш,
встретишь достойно финал.
Это все то, что ты можешь,
это весь твой капитал.

Это без голоса, слуха
музыки слов волшебство,
это ристалища духа —

сути твоей естество.

Лицедей

Постиг ты тайны лицедейства,
и вот заслуженный финал:
в восторге рукоплещет зал.
Достигнув в действе совершенства,
гордись, ты про —
фесси —
онал.

И вновь на сцене, в сердце ярость,
как улей, растревожен зал,
в тебя вопьются сотни жал,
но, подавляя страх и слабость,
гордись, ты про —
фесси —
онал.

Судьбе порою шлѐшь проклятья.
Тебе претит страстей накал.
Ты равнодушен и устал,
но ждут поклонников объятья.
Гордись, ты про —
фесси —

онал.

Так что ж, всему виной тщеславье.
Жизнь – фарс. Грядёт последний бал.
Проворный занесён кинжал.
Бессмертье действу иль бесславье?
Ответь ты, про
фесси —
фнал – .

«Колыхание тягостной ночью...»

Колыхание тягостной ночью.
Это розыгрыш тающих сил,
это звуков разорванных ключья,
это ртутная тяжесть чернил,
это страшная тяга к призванью,
это зависть к вступившим в него,
это смутная речь подражанья,
это поиск лица своего.
Это свет сквозь гардины протертый,
это гулкий, прерывистый стук,
это сдавленный шепот аорты,
это сердце сосущий испуг,
а под утро тяжелая ярость,
разрывающих губы стремнин,

и мгновенная яркая сладость
от касанья заветных глубин.

«Ты, слово, – цель моя, мое – начало...»

Ты, слово, – цель моя, мое – начало.
Смыкаешь ты в кольцо поток жемчужных вод.
И от печального, но верного причала,
подняв свой страстный флаг, я направляю ход
ладьи, в которой нет другого экипажа,
кроме меня, где я матрос и капитан.
И за успех столь скромного вояжа
я сам себе налью и осушу стакан.
Резвятся образы под строгою кормою,
волной игривою подброшенные вверх.
Могу нагнуться, прикоснуться к ним рукою,
услышать детский беззаботный смех.
Я их пленю хрустальной тонкой сетью,
пусть в ней томятся, а придет черед,
я перелю их в золотую песню,
увиду слов и музыки полет.
Я не ищу конечной четкой цели.
То тут, то там сверкнет огнем кристалл.
Минуя рифы и минуя мели,
я вновь увижу грустный свой причал.
И вновь уйду, влекомый звезд сияньем,

и затеряюсь навсегда в потоке лет,
но слов, сомкнувшихся, проступят очертанья
мой маленький, но четкий в жизни след.

Памяти воздушной гимнастки

Под куполом цирка
в пределах дуги,
где лонжи, как циркуль,
мною чертят круги,
лечу в перехлёсте
огней цирковых
небесною гостьей
в обитель живых.
Знакомо до дрожи
сияние дня.

Напарник надёжный
страхует меня.

Мы платим по счёту
богам до конца,
за тягу к полёту
сжигая сердца.

Мой парень отважен,
подстрижен под ноль,
В глазах его та же
смертельная боль.

Мой номер смертельный!

Так вынь и положи
мой крестик нательный
янтарную брошь.

В ней толика солнца,
крупница луны.

Нанизаны кольца
греха и вины.

И нам не сидится
на грешной земле,
и мы, словно птицы,
растает во мгле.

Мы платим по счёту,
ввысь рвёмся опять.

Такая работа —
творя, умирать.

«Граненое крупное тело...»

Граненое крупное тело
добротной работы, кондовой.

Художник любил свое дело,
он знал первородства основы.

Мы видим и слабость, и силу,
мы видим предательство, верность.

Художник, какой же он милый,

пытался найти соразмерность.
Не ждите прямого ответа,
не ждите Его соучастья.
Гармония мрака и света,
гармония боли и счастья.
Но что этой жизни дороже:
смеяться ли, плакать, молиться...
Рисуй же, дружище Художник,
свой мир собирай по крупицам.
Вот торс, обнаженный в движенье,
лицо в откровенном порыве.
Лишь это сильнее забвенья,
сильнее,
смелее,
надрывней.

«Порою слышу в спорах жарких...»

Порою слышу в спорах жарких:
"Слаб этот стих.
Какой-то робкий и неяркий
среди других".
Мои стихи – мои солдаты,
мои войска.
Пусть не сильна в искусстве ратном
моя рука.

А вот пришлось стать полководцем.
В том нет вины.
Бойцы, рожденные под солнцем, —
мои сыны.
В них дерзкий дух не для наживы,
а для борьбы!
И в той борьбе они не лживы,
и не слабы.
Не могут быть все генералы.
В любых войсках
есть и майоры, и капралы —
грудь в орденах.
Не всех я в генералы прочу,
не в каждом блеск,
но мой солдат-чернорабочий
имеет вес.
Не все отважные герои,
не так сильны,
но все, как самый яркий воин,
борьбе верны.

Маяковскому

Изящный слог и утонченность,
отточенность словесных формул,
в развитии фабул изощренность

рождают совершенство формы.
Так вдаль струится совершенство,
и чувств и, мыслей светлых полны,
мы в упоительном блаженстве
глядим на ласковые волны.
Но вот в порядке волн искрящих
вдруг намечается брожение,
и яростный поток горячий
нарушил плавное движение.
С собой влечет из мглы подводной
он огнедышащие страсти,
клокочет яростью природной —
неровный, одержимый, властный.
Собою наполняя волны,
ломает формы,
формулу стройность.
Он все отдал порыву шторма,
отмел искусность и пристойность.
Столкнувшись в сладостном обмане
с заката огненную лавой,
он растворяется в тумане —
податливый, ранимый, слабый.

«Как наша жизнь порой нелепа...»

Как наша жизнь порой нелепа,

как любим мы порою слепо,
и гениальную строку,
как бы в преддверии удара,
мы самый лучший свой подарок
не другу дарим, а врагу.

И так снисходит вдохновенье...
Пишу я в трепетном волненье,
но строчек ряд едва ли жив.
А где-то там, в безумном пенье
с веселым смотрят удивленьем,
как зарождается мотив.

...А потехе час

Эпиграф:

*«Батилл, надвигаются галлы, ты, главное
влаги налей».* (с) *И. Кутик «Оса Часа»*

Богемы шальная пирушка
забористый всплеск бытия.
Упругого всхлипа хлопущка
поднимем бокал за тебя.

Набор полновесный эстетства,
сменяется Шуберта звук,

и жизни расхристанной действо
ткет тонкую пряжу паук.

Конструкций холодных, астральных
жемчужные нити висят,
и правит всем миром вербально
расчетливый пылкий кастрат.

Зарделась от гордости муза,
попав на само острие,
почтенные члены союза
ласкают вниманьем ее.

Что мне горевать на досуге?
Я музу в охапку ловлю.
Хлопушками всхлипов упругих
в небесные сферы палю.

Среди ожерелий астральных,
среди ожирений любви,
среди буйства энергий витальных,
черпающих силу в крови.

А где-то вдали, на востоке
встает голубая заря.
Земли животворные соки,

усталому миру даря.

Стихает ночная пирушка,
светлеет ночной небосвод,
валяется где-то хлопушка.
Усталая муза встает.

Идет величаво и прямо,
и смолкнет любой вития!
В глазах ее терпкий и пряный,
загадочный смысл бытия.

«Спокойствие! Царит спокойствие...»

Спокойствие!
Царит спокойствие
в гранитных горах,
в горном мраморе,
но есть в спокойствии та двойственность,
что правит силами коварными.
Резцом художника-ваятеля
дробится камень, обнажается.
Порывом дерзкого мечтателя
нам образ пламенный является.
Он рвется яростно, чарующе
в пространство солнца, света, истины,

но скован силою ревнующей,
не отлетит от камня к выси он.
Тяжелой массой аморфною
приворожен, опутан сетями,
и бьется о завесу плотную,
сливается с другими песнями.
Возможны охи, причитания,
возможны дерзкие решения,
а я смотрю без содрогания
на гениальные творения.
В них нашей жизни воплощение:
небес, земли борьба, слияние...
И неустанное горение,
и душ бессмертных сострадание.

Фарамазяну

Эпиграф:

*Мы только переписываем ноты, чтобы
дожить до смерти – и всего-то.*

И. Фарамазян «Гарцеву»

Словно нищий на паперти,
я веду свой пиар.
Ведь стихи, как вы знаете,
это тоже товар.

Кто-то хлещет и свищет,
я мелодией пьян.

Чьих-то нот переписчик,
как сказал Фармазян.

Чьих-то нот переписчик,
я к вам лезу в окно...

Не отвалите тысячи,
не нальете вино.

Но, хоть, крикните:
Браво!

И мне хватит вполне.
В этой сладкой отраве —
я как в горьком вине.

Заглотну поскорее,
и опять за свое.

От проклятых евреев,
ну, какое житье.

От проклятых евреев,
может быть, иногда
кто-то вдруг подобреет,
где-то вспыхнет звезда.

Кто-то сладко заплачет,
и мне хватит вполне.

На последнюю сдачу
утоплюсь я в вине
от полнейшего счастья.

От избытка всех сил
разлетятся на части
склянки красных чернил.
Разлетятся на части,
и закончится путь...
Только ваше участие
меня сможет вернуть.
Ну а если забудут —
чья же в этом вина —
ну, так сдайте посуду,
помяните меня.

«Я видел, как спортсмены плачут...»

Я видел, как спортсмены плачут,
когда взойдут на пьедестал.
Все неудачи и удачи,
все – только этот миг вобрал.

Не защищал я честь сов. сборной,
но подкатил раз к горлу ком.
В тот день, держа свой первый сборник,
стоял у двери в отчий дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.